

НАША СТРАНА

Год издания 71-й. Буэнос Айрес, 15 июня 2019

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, 15 de junio de 2019

No 3104

Марианна Ионова

В стране большевиков и в стране, которой нет

О КНИГАХ ИВАНА СОЛОНЕВИЧА

"И словно выбившись из шторма, сидели мы на неизвестном берегу и смотрели туда, на восток, где в волнах коммунистического террора и социалистического кабака гибнет столько родных нам людей". И. Солоневич. «Россия в концлагере»

В серии «Жизнь Замечательных Людей» вышла биография Ивана Солоневича (Константин Сапожников "Солоневич", Москва, «Молодая гвардия», 2014, 464 страниц). По счастью, на беллетристические краски она не посягает: захватить читателя перипетиями этой судьбы, когда есть «Россия в концлагере»?.. За безыскусной обстоятельностью издания встаёт глубокая человеческая приязнь к тому, кого биограф защищает перед недоброжелателями, тем более многочисленными, чем более деятельна и «перпендикулярна» течению жизнь имярек.

Публицист, мыслитель, писатель и общественный деятель, участник Белого Движения, теоретик монархизма — он родился в Российской Империи, на территории нынешней Белоруссии, «в девяносто одном ненадёжном году»; умер в Уругвае в 1953-м.

Журналистом и общественным деятелем местного масштаба был отец Солоневича, вообще-то сельский учитель; издавать газету «Белорусская жизнь» (впоследствии «Северо-Западная жизнь») ему помогали сыновья. Иван Солоневич учился на юридическом факультете Петербургского университета. В Гражданскую войну все братья Солоневичи воевали на стороне «белых». Уцелевшим Ивану и Борису чудом удалось если не вписаться в советское общество, то до поры до времени как-то закрепиться. Так, с юности почти профессионально занимавшийся спортом — тяжелой атлетикой и борьбой, Иван теперь работал инспектором физкультуры в профсоюзных; именно он создал борьбу «самбо» и изложил ее принципы. Всего Солоневич написал шесть книг на спортивную тематику, был и спортивным журналистом.

Специфика работы, связанной как с репортажами, так и с организацией спортклубов (Солоневич скептически оценивает эту свою деятельность, наполовину безуспешную, загубленную спускаемой сверху «идеологической нагрузкой»), вынуждала ездить по Советскому Союзу и позволила видеть жизнь страны такой, какой её не пропускали на страницы советской печати.

Арест брата Бориса, отбывшего заключение на Соловках, стал первым толчком к мысли о бегстве из СССР. А дальше, по мере того как «накапливалось великое отращивание», необходимость

пойти на отчаянный риск становилась только яснее.

Первые две попытки уйти в Финляндию сорвались. На третьей вмешалось ГПУ. Иван, Борис и восемнадцатилетний сын Ивана Юрий были арестованы на пути к Мурманску. Все трое получили срок и были отправлены, правда, не за Урал, чего боялись, а в Карелию, в Беломоро-Балтийский ИТЛ.

Солоневичи никогда не сомневались в том, что уйдут — чего бы им это ни стоило. Находчивость, воля и везение наконец пересекаются в нужной точке: летом 1934 года Иван, Борис и Юрий покидают территорию лагеря и начинают многодневный путь через леса и болота к финской границе.

1. «Великое отращивание»

...оно росло по мере того, как рос и совершенствовался аппарат давления. Он уже не работал, как паровой молот, дробящими и слышимыми на весь мир ударами. Он работал, как гидравлический пресс, сжимая неслышно и сжимаемая на каждом шагу, постепенно охватывая этим давлением абсолютно все стороны жизни... И. Солоневич. «Россия в концлагере»

«Прессинг» Закона — таков тоталитаризм в кошмарном сне западноевропейца. Но советский «пресс» — это беззаконие, выхолащивание самого понятия юстиции, когда справедливость и порядок становятся вещами факультативными.

Ясно, что попрание человека и человеческого составляет основу, субстрат коммунистического «менеджмента» и каждый рассказ о том достославном времени не пройдёт мимо попрания человека.

Пропасть, над которой висят на ниточке нынешний начальник и последний колхозный раб; нравственный геноцид, выбраковка людей пассивного типа (вопреки внешнему культу героизма) — всё это, так или иначе, никогда не лишне освежить в сознании. Но Солоневич ставит акцент, где их может поставить только «человек дела» (мы не найдем ни абзаца, посвященного литературе, искусству, музыке 20 — 30-х; тема «художник и система» оставлена менее земным натурам), для русской пишущей интеллигенции штучный со своей упрямой витальностью. Чуждый спекуляций вокруг «метафизики зла», Солоневич показывает советскую действительность как хаос со строчной буквы, хаос, мешающий простому, среднему человеку жить. Главное, что выносит современный читатель из «России в концлагере», — удар по дорожному

для многих мифу о двух оправданиях сталинщины: порядке и массовом энтузиазме. Халтура и показуха, бюрократизм вместо организации, ложь в качестве связующего элемента — «теория всеобщего надувательства», по определению Солоневича, то, что у многих ассоциируется с позднесоветским временем, характеризует и «классическую» эпоху.

«Я работаю в области спорта — и меня заставляют разрабатывать и восхвалять проект гигантского стадиона в Москве. Я знаю, что для рабочих и прочей молодежи нет элементарнейших спортивных площадок, что люди у лыжных станций стоят в очереди часами, что стадион этот имеет единственное назначение — пустить пыль в глаза иностранцам, обжулить иностранную публику размахом советской физической культуры... Я пишу очерки о Дагестане. Из этих очерков цензура выбрасывает самые отдалённые намеки на тот весьма существенный факт, что весь плоскостной Дагестан вымирает от малярии, что вербовочные организации вербуют туда людей — кубанцев и украинцев — приблизительно на верную смерть... Я вру, когда составляю статистику советских физкультурников, целиком и полностью высосанную мною и моими сотоварищами по работе из всех наших пальцев, ибо «верхи» требуют крупных цифр, так сказать, для экспорта за границу».

Солоневич недаром назвал одну из своих книг об СССР «Диктатура импотентов». Страна отдана на откуп общественным группам, ни нравственно, ни профессионально не годным для руководства ею, если допустить, что руководство не сводится к самоценной системе приказ — отчет, невыполнение — наказание, но имеет цель. Единственную цель в руководстве страной — благо граждан. «Нет, государство — это не я, и не мужик и не рабочий. Государство для нас — это совершенно внешняя сила; насильственно поставившая нас на службу совершенно чуждым нам целям... Служба же эта заключается в том, чтобы мы возможно меньше ели и возможно больше работали во имя тех же бездонных универсально революционных appetitov. Во-первых, не евши, мы вообще толком работать не можем — одни потому, что голова занята поисками пропитания. Во-вторых, партийно-бюрократический кабак, нацеленный на мировую революцию, создаёт условия, при которых толком работать совсем уж нельзя. Рабочий выпускает брак; ибо вся система построена так, что брак является его почти единственным продуктом; о том,

как работает мужик, видно по неизбежному советскому голоду».

Целые страницы Солоневич отводит новой, специфической прослойке, истинной, в обход рабочих и крестьян, опоре социалистического государства, так называемому активу, чья активность направлена на то, чтобы забывать, зашлаковывать проявления подлинной активности, трудовой и гражданской, *vita activa*, подлинного, созидательного энтузиазма. «Великий кормчий» (эпитет, первоначально — в 1934 году «Правдой» — примененный к Сталину) правит судом без кормила: есть менеджер, но нет менеджмента. Тирания, то есть гипертрофия власти, предстает как имитация власти.

Всякая нелегитимная власть обречена на гипертрофию, о чём говорит Солоневич в другой своей книге; железные кулаки и глиняные ноги — всегда комплект, а что первично, сразу и не разобрать. Так же, как не разобрать, сталинский СССР ли проекция концлагеря или концлагерь есть СССР в миниатюре.

Показушность, очковтирательство, круговая порука (начальства с «социально близкими») ему контингентом — урками) возведены в принцип. Чего стоит липовая спартакиада, которую Солоневич, профессионал от физкультуры, сочиняет, чтобы под этим предлогом выхлопотать некоторому количеству заключенных, якобы участвующих в соревнованиях, лучшие условия жизни, а себе поводы для «командировок», очередная из которых и послужит прикрытием побега.

Начальник Беломоро-Балтийского лагеря Успенский хватается за эту затею, липовость которой для него вполне очевидна, как за рычаг дальнейшего карьерного роста. (Любопытно: главный герой романа Захара Прилепина «Обитель» отбывает срок на Соловках за отцеубийство. Успенский, получивший свою высокую должность после отбывания срока на Соловках, где выбилась по «культурно-воспитательной

И. Солоневич накануне ареста

части», также обвинялся кроме прочего в убийстве отца.)

Звучит чудовищно, но «Россия в концлагере» книга местами изрядно смешная, за счёт остроумия, ядовитого и совсем не меланхолического юмора (не иронии!).

Зрение Солоневича устроено так, что там, где русской литературой подсказано видеть трагедию, видит трагифарс. Название «Россия в концлагере» вроде бы лобовое, не «Архипелаг ГУЛАГ», зато по-солоневичевски точно: то ли энциклопедия, то ли па-ноптикум. Оглушённые крестьяне, попавшие под раздачу идейные коммунисты, где-то проштрафившаяся активистско-комсомольская молодежь, не спасённые интеллектом «спецы», наглые и всё-таки тоже прибитые урки. Наконец, гребущее под себя начальство.

Солоневич не залезает на пьедестал: рассказывая, как изворачивался, чтобы как-нибудь облегчить положение тех союзников, кому ещё хуже, он прозаизирует свои мотивы и умалит заслуги. Но его взгляд на тех, кому дана власть над ним, ни на миг не перестаёт быть взглядом сверху вниз.

У «социалистического кабака» Солоневич отымаёт последний покров — грандиозности, величия в злодействе. И не с позиции святого обвинения, которую обвиняющая сторона заняла перед тем как взяться за перо. Солоневич как бы проходит уже пройденным путем и приводит себя вместе с сыном к избушке финских пограничников, приютивших на свой страх и риск двух грязных лагерников, двух советских граждан.

«И вот, я поймал себя на ощущении, которое стоит вне политики, вне “пораженчества” или «оборончества»... стоящие в стойке у стены винтовки показались мне, как винтовки дружественные, не оружие насилия, а оружие защиты от насилия... Сейчас вот эти финские винтовки, стоящие у стены, защищают меня и Юру от советских винтовок. Это очень тяжело, но всё-таки это факт. Финские винтовки нас защищают; из русских винтовок мы были бы расстреляны, как были расстреляны миллионы других русских людей — помещиков и мужиков, священников и рабочих, банкиров и беспризорников... Мне захотелось встать и погладить эту финскую винтовку. Я понимаю, очень плохая иллюстрация для патриотизма... Плохим был патриотом; плохими патриотами были все мы, хвататься нам нечем... А самое страшное в нашей жизни заключается в том, что советская винтовка — одновременно и русская винтовка. Эту

вещь я понял только на финской пограничной заставе... Когда эта винтовка, советская ли, русская ли, будет направлена в голову моего сына, моего брата, то ни о каком там патриотизме и территориях я рассуждать не буду... Никогда в своей жизни... не переживал я такой стращной ночи, как эта первая ночь под гостеприимной и дружественной крышей финской пограничной заставы... Вот это дружественное человецье отношение к нам, двум рваным, голодным, опухшим и, конечно, подозрительным иностранцам, — оно для меня было, как пощёчина». Злой напор, энергия откровенности претворяется в тепло искренности.

Солоневичу не присущи ни сентиментальность, ни то, что с некоторых пор обозначается словом «пафос», а прежде называлось «патетикой». Сострадание не только к заключённым, но ко всем, без различия, по какую бы сторону зоны они ни были, ибо давящая для всех одинакова (хотя не так уж: ээки, особенно из крестьян, нередко шлют домой часть пайка); однако прежде всего к крестьянам, физическое выживание которых целиком в руках случая, а для психологического приспособления нет резерва, у интеллигентов и даже рабочих имеющегося. И к детям: лагерь для бывших беспризорников посреди тайги, девочка из ближайшей деревни, сидя на снегу, отогревает своим телом кастрюлю с превратившимися в лед остатками баланды.

Сочетание жестковатой, очень мужской («мужичкой») сказал бы презирающий снобизм интеллигент Солоневич) трезвости и местами кипящей эмоциональности. Подразвечание попадает и собственный мученический венец. Солоневич не утаивает сомнений последних перед побегом дней: стоит ли подвергать себя риску? В конце концов, выступив эдаким хитрым Одиссеем, он расположил к себе начальство, ничто не мешает подняться на «культурно-воспитательной» работе... и — Солоневич не проговаривает напрямую, но логика выстраивается неумолимо — пройти дорогой Успенского.

«Успенский доказывает мне, что для умного человека нигде нет такого карьерного простора, как в лагере. Здесь всё очень просто: нужно быть толковым человеком и не останавливаться решительно ни перед чем. Эта тема начинает вызывать у меня легкие позывы к тошноте». И тошнота оказывается убедительнее. И Солоневичи бегут. Бегут из лагеря, бегут из СССР.

2. «Диктатура совести»

Банальная интеллигентская терминология определяет «самодержавие» или как «абсолютизм», или как «тиранию». По существу же, «самодержавие»... явление исключительно и типично русское... Это — не диктатура аристократии, подаваемая под вывеской «просвещенного абсолютизма», это не диктатура капитала, сервируемая под соусом «демократии», не диктатура бюрократии, реализуемая в форме социализма, — это «диктатура совести»... И. Солоневич. «Народная монархия»

Приходится слышать, что многие, кто читал «Народную монархию» после «России в концлагере», в Солоневиче разочаровались. Поэтому будем читать её правильно: помня о том, что это манифест Народно-Монархического Движения, написанный лично, а не кабинетного типа и к тому же не-историком. Исторической концепции Солоневич не предлагает: история — факты и события, сложение которых так, а не иначе формирует политическую реальность. История России для Солоневича непрерывна; русская государственность — самобытна; происхождение русской монархии — сугубо национально, что делает ее не похожей ни на византийскую, ни на западноевропейскую; золотой век русской государственности — Московская Русь, а далее самодержавие переживает лучшие и худшие времена, вплоть до провалов (XVIII век), в зависимости от того, насколько сохраняет народность, то есть насколько самодержец остается представителем и защитником интересов народа.

Пролистывать «Народную монархию» по диагонали чревато — фразеология может показаться знакомой: часто тезисы выглядят как отповедь «мифам о России». Поостережемся пускаться в ход тяжелой артиллерии вроде «мифа», но согласимся с тем, что стереотипы, как справа, так и слева, бытуют. Солоневич недаром оговаривает, что попытка иных эмигрантов, представить Россию до 1917 года эдаким раем — глупа. «Народную монархию» надо читать как читают текст функциональный, скажем, инструкцию, — с первой фразы и последовательно. Первая фраза такова: «Всякая разумная программа, предлагаемая данному народу, должна иметь в виду **данный** (выделено Солоневичем) народ, а не абстрактного homo sapiens, наделяемого теми свойствами, которыми угодно будет наделить его авторам данной программы». После этого более чем разумного и очень современного требования индивидуального подхода (если взрослый сложившийся индивид в ответ на внешнее воздействие скорее приспособится, нежели изменится, то и сложившаяся нация к историческому эксперименту притерпится, но после на круги своя всё равно вернётся) немного иначе воспринимается и пассаж, выстроенный по правилам дискурса «особого пути» и российской исключительности.

То, что мы сейчас называем державно-почвеннической риторикой, у Солоневича — именно риторика, всегда лишь форма, из-за которой выступает конструкция приотливая до противоречий, но, в конечном счете, неангажированная, а главное, личная, «авторская».

Солоневич словно разбирает монархизм, чтобы собрать заново. Что такое монарх? Перед глазами встает призрак тотальности, поддерживаемой личной харизмой. Уже тут Солоневич переворачивает стереотип. В отличие от Ивана Ильина он не поэтизирует так называемую сильную личность. «Я исхожу из той аксиомы, что гений в политике — это хуже чумы. Ибо гений — это тот человек, который выдумывает нечто принципиально новое. Выдумав нечто принципиально новое, он вторгается в органическую жизнь страны и калечит ее».

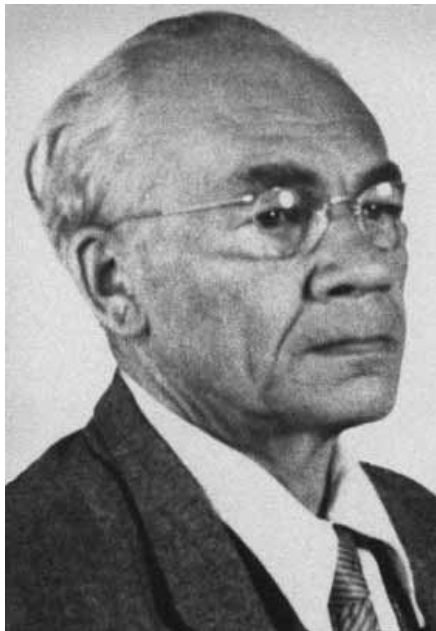
Полусомдиктатура является вовсе не демократия, а монархия, фактом престолонаследия снимающая борьбу за власть; незаслуженное и потому неоспоримое первенство, единственность наследника и правителя как бы вырывает его из плена личных интересов. «Всё организовано так, чтобы личная судьба индивидуальности была спаяна в одно целое с судьбой нации. Всё то, что хотела бы для себя иметь личность, — все уже дано. И личность автоматически сливается с общим благом. Можно сказать, что всё это имеет и диктатор — типа Наполеона, Сталина или Гитлера. Но... всё это диктатор завоевал и всё это он должен непрерывно отстаивать — и против конкурентов и против нации... Диктатор всегда поднимается по трупам и может держаться только на трупах... Законный монарх ничего и никому доказывать не обязан».

Нация у Солоневича совпадает с народом; в свою очередь понятие народа зачастую, отзвываясь XIX веком, — с низами, с неправящим слоем. Вовсе не царская власть, а диктатура правящего класса привела к революции. «Одна сторона предполагает, что Карл Маркс лучше знает, в чем заключаются интересы русского народа, чем сам этот народ, и, с другой стороны, интересы поместного слоя кое-как прикрываются интересами “России”, “славой русского оружия”, блеском Двора, экзотичностью “потешных марсовых полей” и прочим в этом роде». Дворянство как бы заведомо от народа отделено и тем самым заведомо ущемлено, отъято из национального тела. Здесь противоречие у Солоневича, за отделение от народа дворянство упрекающего, следующий в истории адресат этого упрека — интеллигенция; речь идет, по существу, о любой элите, культурной или политической. Солоневич смотрит с недоверием на всякую элитарность.

«Власть царя есть власть среднего, среднеразумного человека над двумястами миллионами средних и среднеразумных людей. Это не власть истерика, каким был Гитлер, полупомешанного, каким был Робеспьер, изувера, каким был Ленин, честолюбца, каким был Наполеон, или модернизированного Чингиз-Хана, каким являлся Сталин... Ключевский несколько недоуменно рассказывает о том, что первые московские князья, первые собиратели земли русской, были совершенно средними людьми: — а, вот, Русскую Землю собрали. Это довольно просто: средние люди действовали в интересах средних людей, — и линия нации совпадала с линией власти. Поэтому средние люди СССР перебегают от сталинской гениальности, собственно говоря, куда глаза глядят. Да избавит нас Господь Бог от глады, мора, труса и гения у власти. Ибо, вместе с гением к власти обязательно придут и глад, и мор, и трус, и война».

Анти-романтик Солоневич за среднего человека. Этим, похоже, объясняется ненависть к Бердяеву, которого Солоневич, со вкусом понося, превращая в имя нарицательное, ни разу не цитирует.

Внутри русской философии Серебряного Века зародилось ныне ставшее общим местом мнение о том, что русский человек несовместим с серединой — между святостью и животностью, из чего следует: средний класс в России несбыточен. С этим мнением,

Солоневич незадолго до смерти

кстати говоря, большая доля национал-патриотов соглашается не моргнув глазом. А по Солоневичу русский «мужик — человек дела». И Ломоносов стал возможен потому, что единица народа — «человек дела», частный человек-труженик, профессионал... гражданин.

Очевидным образом «западная» модель, любезная еще Данте: буржуазная добродетель в союзе с римским идеалом гражданственности. Личное достоинство, внесловное благородство — с готовностью, когда необходимо, поставить общие интересы выше личных.

В отличие от историков либерального направления, например, Ключевского, и от большинства учёных поныне, Солоневич отдаёт предпочтение Московской Руси перед Киевской как оплотом феодализма. Московская Русь — вовсе не деградация, не падение в азиатскую деспотию. Зло деспотии не в том, что деспот вводит уподобление правителя отцу, а поданных — детям, но в том, что он отцовство узурпировал. Власть монарха легитимна в силу того, что никто другой его места занимать не может. И нет ничего уродливее и вреднее, чем имитация отцовства в отсутствие Царя-Батюшки.

Солоневич, как и Леонтьев, и тот же Ильин, кажется неотделимым от сверхценностей. Для одних сверхценности реальные величины, святыни, направляющие взросление и самораскрытие общества, для других — мифо-конструкты, тормозящие взросление и самораскрытие; специфически российские сверхценности называет социолог и культуролог Даниил Дондурей: «Главное — это государство-цивилизация, суперэтнос, которым должен править полновластный государь. Далее, Родина, святая земля, семья. Весь народ — это одна семья. Но лишь несколько сот философов, социологов, юристов понимают, что государство — это система институтов. Остальные абсолютно убеждены в том, что государство — это Отчизна, Родина, любимая культура, язык, друзья, дети».

Для Солоневича государство — именно институты. «Ибо монархия это “не произвол одного лица”, а “система учреждений”, — система может временно действовать и без “лица”».

Монарх — не просто высшая, но священная и потому безличная инстанция. Центр, обеспечивающий баланс сил. Фактически инструмент. Кормило. «Демократичность русского самодержавия» означает, что самодержец — гарант самоуправления. Безусловно сильная вертикаль, при этом сверхкороткая, дающая простор для горизонтальных связей.

Кстати сказать, конспирология у него отсутствует на корню. Запад и Россия — не антагонисты, но конкуренты: немало того, что мы считаем исконно европейским, существовало в Московской Руси,

например, суд присяжных — «целовальников». Беда наступает, когда заимствуется форма и с ней понятие. Происходит подмена понятиями явлений: ополчаются против понятий («свобода слова») и дальше начинается разбор понятия, а не сущности. Отсюда пораженческая тактика радикального почвенничества — признать обвинение и поменять минус на плюс. Да, у нас нету ***, потому что (поэтому) *** — от лукавого. Это очень удобно, поскольку сразу прекращает дискуссию.

К слову, аморфная и пассивная русская душа, бесформенность как роковая черта не затронутой Аристотелем русской парадигмы — это Солоневич растаптывает с особым удовольствием.

Пётр Первый для Солоневича вырождение и распад не потому, что «реформатор» прорубил пресловутое окно, а потому что при нём, во-первых, установилась дворянская диктатура, во-вторых, открылся шлюз для заимствования форм. (Сарказм судьбы: ставя на вид образцовому слою перенесение западноевропейских форм в русскую действительность, Солоневич не мог знать, что пока он дописывает «Народную монархию», начатую еще до войны, повторыя, возможно, свои инвективы, в СССР борются с «безродными космополитами», обвиняемыми как раз в «низкопоклонстве перед Западом».)

«Народная монархия» — манифест, но есть одна тонкость. Солоневич нигде не говорит, как, из кого России вскоре предстоит выбрать монарха.

Не надо быть политологом, чтобы монархические утопии Солоневича и Данте предстали в одном измерении. Для Данте Император — правитель не Италии, а всей Европы, поелику она совпадает с римской ойкуменой, не сильный лидер, а олицетворенная Справедливость.

Оба, попидав человеческий кабак во всем его разгуле, грезят о не-человеке надо всем. И безликосредний самодержец, и безупречно-рыцарственный император — сосуды для чего-то большего, чем они сами.

«Мы ставим — и всегда ставили — внутренние нравственные принципы выше мертвой буквы формального закона... Но по дороге от палача к братству мы все-таки прошли гораздо большее расстояние, чем Западная Европа (о советской власти я, конечно, не говорю: здесь все основано на палаче)».

Однако если Россия противопоставляет справедливости римского права (закону) справедливость совестную, то без гуманизации общества не обойтись.

Общество, мобилизованное против врага, внутреннего или внешнего, аккумулирует недоверие и жестокость, культ силы, а значит, неспособно к объективности, без которой нет саморегуляции. Сказать, что правовое государство всего лишь имеет у нас другую форму, — обязывает.

И наконец. Для Ивана Лукьяновича Солоневича его Россия — одна Россия в прошлом и будущем. Но страна, сегодня носящая то же имя, связана с Россией некоторой преемственностью по ряду формальных показателей. Последние без малого сто лет отдельные, искаженные фрагменты России существовали внутри ситуации разрыва, под знаком многоточия. Этот текущий, или лучше сказать застывший разрыв и наследовал ей.

ПОЧЕМУ ПУТИН ПОДДЕРЖИВАЕТ МАДУРО?

Это не Россия поддерживает венесуэльский диктаторский режим Мадуро, а именно Путин.

России невыгодно поддерживать Мадуро. Суммарный внешний долг Венесуэлы оценивается в 156 миллиардов долларов, и это не считая того, что арбитражный суд Международного Центра по Урегулированию Инвестиционных Споров принял решение, что Венесуэла должна заплатить 8 миллиардов долларов компенсации компании КонокоФилипс за то, что диктатор Уго Чавес в 2007 году национализировал ее активы.

Мадуро довел ситуацию в Венесуэле до полного коллапса, и если он останется у власти, то у России нет вообще никаких шансов получить хоть что-то от вложенных туда 17 миллиардов долларов.

Единственный шанс на возврат этих инвестиций — это смена правительства, которое приведёт экономику в порядок, и тогда Венесуэла сможет рассчитаться по долгам. Это вполне реально. Венесуэла обладает крупнейшими в мире запасами нефти, не считая также крупных запасов алюминия, золота, алмазов и других полезных ископаемых.

Бесперспективность Мадуро понимают уже даже в Красном Китае. Несмотря на то, что формально Пекин его ещё поддерживает, китайские дипломаты уже давно ведут переговоры с оппозицией, чтобы гарантировать возврат своих инвестиций.

Крах экономики Венесуэлы очевиден всему миру. Регулярно вся страна погружается во тьму, во многих регионах нет света. Мадуро поспешил обвинить проклятых американских империалистов, и правительство официально заявило, что причина отключения энергии — кибер-атака, скорее всего, инициированная из США.

Это не похоже на правду. Во-первых, проблемы с энергосистемой и массовые отключения электричества в Венесуэле наблюдаются довольно давно. Когда отключение энергии накроет всю страну, было вопросом времени.

Во-вторых, Мадуро соврёт, недорого возьмет. Например, он неоднократно попадался на дорисовывании людей на митингах в свою поддержку. И вообще — 70% трансформаторов в стране отработали свой срок службы и могут выйти из строя в любой момент.

Если очевидно, что режим Мадуро провалился, почему Путин продолжает его отчаянно поддерживать? Причём не просто поддерживать, но и заставлять своих дипломатов врать, чтобы его позиция не выглядела совсем уж нерасчетливо.

Дело в том, что скорее всего, большую часть выделенных Путиным Венесуэле 17 миллиардов разворовали путинские и мадуровские чиновники.

Есть судебные подтверждения фактам миллиардных взяток мадуровским чиновникам. В конце 2018 года суд США приговорил бывшего главу национального казначейства Венесуэлы к 10 годам заключения за получение взятки на миллиард долларов.

Есть, наверное, маленькая вероятность, что два очень

коррупцированных режима осуществляют сделки между собой честно, но сотрудничество РФ и Венесуэлы — похоже, не тот случай.

Например, вот история, как "распиливали" миллиарды на строительстве завода Калашникова в Венесуэле. Вкратце, завод строили-строили, так и не построили. Сроки сдачи неоднократно переносились, зато миллиарды были все освоены и уведены в непонятном направлении.

Когда новое правительство придёт к власти, оно поднимет историю возникновения всех долгов и попробует разобраться, куда были потрачены деньги. Оно тогда может сказать: «Мы не будем оплачивать то, что ушло на откаты путинским чиновникам и нашим родным мадурам и чавесам. Венесуэла не признаёт эти долги, потому что вы все эти деньги тупо вместе разворовали». И тогда, помимо финансовых потерь (это небольшая проблема для Путина, он и так прекрасно знает, что РФ этих денег никогда не вернёт), возникнут репутационные потери. Путин до последнего держится за Мадуро, чтобы никто не копался в истории, куда были потрачены российские кредиты.

Оба режима — известные торговцы кокаином. Пока нет доказательств, что путинские и венесуэльские чиновники были вовлечены в совместные поставки кокаина. Однако в феврале прошлого года в посольстве РФ в Аргентине обнаружили почти 400 килограммов кокаина. Чиновники РФ придумали нелепые оправдания — что это бывший завхоз держал кокаин на территории школы посольства, и никто больше из сотрудников посольства к этому не причастен. Но это история шита белыми нитками. В посольской иерархии ранг у завхоза чуть выше ранга уборщицы. Он не мог просто взять и организовать склад на посольской территории. Тем более, он не мог за своим багажом отправить посыльного на частном самолете, который напрямую звонит помощнику посла по безопасности и просит привезти чемоданы до аэропорта на дипломатических машинах (чтобы исключить риск досмотра полицией). Это всё «чушь, мусть и компот».

Скорее всего, аргентинские спецслужбы внедрились маячок ещё на стадии фасовки кокаина в брикеты, и этот маячок привёл их на территорию, которая входит в периметр посольства РФ, и куда они не имеют права входить. После некоторых переговоров с послом кокаин всё-таки конфисковали, но так как историю совсем уж нельзя было скрыть, по взаимному согласию назначили стрелочника — мелкую сошку в посольстве, чтобы не портить отношения между странами.

Ведь как следует из прослушек наркоторговцев и показаний бывшего завхоза, это была не первая партия. Кокаин также активно возился через посольство РФ в Уругвае.

Правительство Мадуро — крупнейший игрок на оптовом рынке кокаина в мире. Это можно заключить из фактов, доказанных в суде. В 2017 году двух племянников Мадуро суд США приговорил к 18 годам заключения за наркоторговлю.

НОВЫЕ ЦЕНЫ ПОДПИСКИ НА 2019

В Аргентине - 700 песо
В Европе - 60 евро.
В Австралии - 85 американских долларов.
В Канаде - 80 американских долларов.
В США и остальных странах - 75 долларов.

Их взяли с поличным при попытке перевоза 800 килограммов кокаина.

Против Тарека эль-Айссами, вице-президента и министра Промышленности и Национального Производства Венесуэлы, Департамент Юстиции США ещё в 2017 году выдвинул обвинения в наркоторговле и ввёл против него санкции. По странному стечению обстоятельств, Тарек эль-Айссами — большой друг высших чиновников РФ и регулярно приезжает в Москву.

Безусловно, нельзя исключить небольшую вероятность, что два режима, которые испытывают тягу к наркоторговле, не будут торговать наркотиками друг с другом. Но существует большая вероятность, что они всё-таки торгуют. Если племянники Мадуро могли возить кокаин самолетами, вылетая из личного президентского терминала в Каракасе, в который есть доступ только у Мадуро и высших чиновников, то почему вице-президент и министры не могут делать то же самое? В том числе во время регулярных визитов в Москву.

Поэтому очень вероятно, что Путин держится за Мадуро, чтобы не оборвались кокаиновые связи между обеими странами. Подобного крупного поставщика будет нелегко заменить.

Путин также поддерживает Мадуро, потому что оба — диктаторы.

Правда, даже у диктаторов нет никаких сомнений касательно настоящей цены друг друга. Они отправляют детей учиться и покупают недвижимость не друг у друга, а на невидимом Западе.

Они не доверяют друг другу не только на личном уровне, но и на уровне стран. Ведь первые серьёзные финансовые проблемы у Мадуро начались с того, что Банк Англии в ноябре 2018 года отказался выдать ему золотые слитки, принадлежащие Венесуэле. Заметьте, золото он хранил не в дружественных РФ или Кубе, а на вражеском Западе. Да и офисы государственных компаний PDVSA и Venalum Мадуро решил перевести в Москву только тогда, когда их просто физически стали выгонять из всех остальных стран, а их счета замораживать.

Да и РФ в основном хранит свои золотовалютные резервы в ценных бумагах США и Европы, а не облигациях дружественных Путину Венесуэлы, Сирии, Ирана и Северной Кореи. Жулики про жуликов всё прекрасно понимают, поэтому друг другу и не доверяют.

Запад, конечно, может ввести санкции, но, во-первых, их всегда вводят за конкретные дела. Не хочешь санкций — не расстреливай массово демонстрантов, короче, диктаторствуй себе потихоньку.

Во-вторых, введение санкций — это последний этап, который всегда предшествует широкому общественному обсуждению, и у диктаторов всегда есть шанс их предотвратить. Например, после убийства саудовского журналиста Хашогги наследный принц Саудовской Аравии признал, что это «отвратительное преступление», и виновные будут

«преданы суду». После этого было арестовано 18 человек причастных. Хотя Саудовская Аравия понесла огромный репутационный ущерб — международные компании стали массово отказываться от совместных проектов, но всё-таки суровых формальных санкций удалось избежать, именно потому, что руководство Саудовской Аравии публично признало ошибку и продемонстрировало конкретные намерения наказать виновных.

В случае санкций против РФ, Запад тоже долго раскачивался. Первый пакет санкций, введённый 17 марта 2014 года был очень

мягкий и включал в себя всего лишь ограничительные меры против 11 российских и украинских чиновников.

В случае с диктаторскими режимами ситуация ровно противоположная. Никогда не знаешь, кто и когда заберёт твою собственность. Просто, потому что так кому-то захотелось. Например, режим Чавеса регулярно национализировал венесуэльские предприятия целыми отраслями. Захотелось правой руке Путина — Сечину — отжал «Юкос» у Ходорковского, потом захотел — отжал «Башнефть» у Евтушенкова,

для усиления своих аргументов посадив его под домашний арест). Потом подумал, что он продешевил, и отжал у Евтушенкова ещё 100 миллиардов рублей).

Однако диктаторов в мире все меньше, и им нужно держаться друг за друга, чтобы они не вымерли как вид. Несмотря на то, что диктаторы друг другу не доверяют, тем не менее, они вынуждены поддерживать друг друга. Ведь чтобы оправдывать свое существование, любому диктаторскому режиму нужно показывать, что он не один такой во всем мире.

Есть ещё ряд стран, такие как Куба, Иран, Сирия, Северная Корея, Венесуэла, которые не на жизнь, а на смерть борются с мировой гегемонией США и их сателлитов. Это полезно ещё и потому, что будет куда бежать, если у народа терпение совсем лопнет. Вчера Путин приютил Януковича, завтра Путин приютит Мадуро, а послезавтра и Путина какой-нибудь Башар Асад приютит.

Ну и наконец, это мощнейшее средство для внутренней пропаганды. Очень удобно объяснять внутренние проблемы кознями американских империалистов. Однако если ты один такой в мире, то рано или поздно у народа возникнет вопрос: «Почему же только тебе американцы козни строят? Может, настоящая причина, что ты и твои друзья слишком много воруют?». Если же в мире не только РФ, но и еще группа стран, которая во всех проблемах обвиняет коварный Запад, то тогда и российский телезритель легче поверит в историю, что, не только нам англичанка гадит. Англичанка с американкой успевают гадить по всему миру.

Подобная политика Путина, естественно, противоречит интересам России. Он не только помогает Мадуро продлевать страдания венесуэльского народа, который уже поставлен на грань голода и лишен таких базовых благ современной цивилизации, как электричество и питьевая вода, но и делает всё возможное, чтобы новое правительство Венесуэлы вообще не хотело иметь никаких дел с Россией как со страной. Россия не только потеряет уже все вложенные туда деньги, но и лишится возможности разрабатывать нефтяные месторождения Венесуэлы, а также месторождения других природных ископаемых. Этим будут заниматься китайские, американские, европейские и бразильские компании.

На интересы России антирусской власти, как всегда, наплевать.

Б. Гасан

**Узел "Нашей
Страны"
на интернете -
обновленный -
www.
nashastrana.net**

Из-за чего происходит «майдан» в Екатеринбурге?

Тема разрастается и наполняется новыми деталями.

Вначале была волна сообщений о том, что протесты в центре Екатеринбурга ведутся против строительства православного храма. Потом появился информационный тактический манёвр: якобы, народ вышел против городской администрации и олигархов, которым отдали под бизнес и многоэтажную застройку тот самый сквер на берегу городского пруда, где планируют поставить и храм. Пруды есть в центре всех городов на Урале, которые возникли вокруг заводов.

Пришлось немного покопаться в обстоятельствах. И вот что получилось. Храм в Екатеринбурге не строят — а восстанавливают. Это принципиальное отличие. Екатерининский храм возник на заре основания города, — в 1723 году, и был первоначально деревянным с элементами фахт-верка. В 1763 году Собор стал каменным. Таким образом — это самая древняя и большая историческая церковь Екатеринбурга.

С начала существования храма здесь давали присягу горные инженеры, а в XIX веке к этой традиции добавились военно-служашие новобранцы. В храме хранилось знамя Уральского горнозаводского батальона. В 1887 при Соборе открылась церковно-приходская школа. День святой Екатерины в Екатеринбурге до самого переворота 1917 года особо почитался — этот день был нерабочим. Главной святыней храма была часть мощей святого Симеона Верхотурского. В 1930 году коммунисты Собор взорвали.

Таким образом — это исторический храм, символ города и тот, кто против храма — тот против нашей истории, Веры и культуры. Скверов можно много разбить. А исторический храм — это святыня, реликвия. Другой вопрос, что строить его собираются не на прежнем месте — а на новом, хоть и неподалёку. Оказывается, местные либеральные и левые активисты уже много лет, начиная с 2010 года, срывают все проекты восстановления храма. То есть борются они не с абстрактными олигархами, а именно против церкви — это принципиально.

Сквер, в котором планируется начать строительство, очень небольшого размера. С одной стороны пруд. С другой дорога.

Совсем рядом стоят большие многоэтажные дома. Много тут дополнительно не построишь.

Для сквера отдыха это место не годится. Зато для храма место вполне подходит. Что-то не стыкуется в официальной риторике "протестантов".

Местные власти, как и везде, трусливые — от них принципиальной позиции ожидать трудно.

Ну а что же Епархия, церковь, почему она так вяло мобилизует верующих на защиту святынь?

Слишком много лет Московская Патриархия кланяется властям РФ, лицемерам и русофобам, зависит от них во многом. Потому ни мо-лодых людей, которые пошли бы грудью защищать свои ценности, ни воли к действию, как правило, не имеет. Когда в РФ власти запрещали русские православные политические организации, в том числе Русский Обще-Национальный Союз, ни один действующий епископ Московской Патриархии, в том числе и тот, что сейчас в Екатеринбурге (а уж он то про РОНС знает не понаслышке) — не протянул нам руку помощи. Даже голоса не возвысил. Предали своих, по крови и вере, поклонились чужеродной власти. Откуда взяться теперь у них самостоятельной воле, если находятся под ГБешным колпаком уже много лет?

Мне написали, что в первый день храм отстаивали верующие — спортсмены, прихожане и пара казаков. Но потом власти их разогнали и поставили на место «защитников» ментов — нужны ли нам такие защитники? Разве способны они на что-то доброе?

А может быть это и хорошо, что либералы и левые против Храма? Может, к ним добавятся и неоязычники? Им там самое место. Всё антирусское соберётся в одну кучу. Нам, русским националистам, ведь всё равно, хотим мы того или не хотим, придётся воевать на два фронта: против подлого антирусского воровского режима, и против антирусских сил внутри современной оппозиции. Вопросы тактики сейчас не обсуждаем. Но восстановление Екатерининского Собора мы должны поддержать — желательно, на том самом месте, где он стоял исторически и где молились наши предки.

Роман Корнев